

ДВИЖЕНИЯ В МИССИИ ЦЕРКВИ

Три выступления Иоанна Павла II

Документы 5. Приложение к журналу «Litterae Communionis – CL», № 11, 1985, С. 3–8

Введение

1. Обращаясь к участникам конференции «Движения в Церкви», Иоанн Павел II утверждал, что «в них должна отражаться тайна той любви, от которой родилась и постоянно рождается Церковь», потому что в «лоне Церкви, в народе Божием» они выражают многообразное движение, которое является ответом человека на Откровение, на Евангелие». В нескольких фразах папа изложил самобытный взгляд на Церковь как на движение, рождающееся от вечной любви Отца через миссию Сына и Духа, чтобы запечатлеться «в истории человека и человеческих сообществ» (Кастель-Гандольфо, 29 сентября 1981 г.).

Связь Церкви и миссии, намеченная Святейшим Отцом, пролила первый значительный свет на природу движений. Понять их можно только в рамках миссии Церкви, а точнее, они родились ради миссии Церкви. Действительно, их возникновение по большей части связано со Вторым Ватиканским собором, решительно напомнившим о миссионерской природе Церкви и призвавшем христиан «сокрушить бастионы». Динамика роста Церкви и, по аналогии, движений должна нести весть до пределов земли и никогда не замыкаться в коллективной самовлюбленности, поглощающей саму себя.

С тех пор понтифик неоднократно возвращался к теме движений, углубляя первоначально сформулированный их смысл. Его последнее обращение к Шенштаттскому движению по случаю столетия со дня рождения основателя, дает нам второй важный элемент для лучшего понимания природы движений – понятие харизмы. «Вы стеклись сюда из множества стран, чтобы благодарить Бога за дар, который Он дал вам в лице отца Кентениха. Живое помня о нем и о его весте, вы пожелали обновить ваш дух, чтобы поддерживать и распространять его духовное наследие, все больше становясь духовной семьей, живущей в силу *харизмы основателя* и тем самым осуществляющей свое призвание в служении Церкви и миру» (20 сентября 1985 г., 2).

За несколько дней до этого он подчеркнул ту же тему, говоря со священниками из «Общеника и освобождения»: «Непрестанно вновь открывайте для себя харизму, которая увлекла вас, и она сделает вас в большей степени служителями той единственной в своем роде силы, какой является Христос Господь» (Участникам курса духовных упражнений для священников, организованного «Общеником и освобождением», 12 сентября 1985 г., 3).

Итак, харизма признается и утверждается как путь, ведущий ко Христу, а вернее, как конкретное историческое осуществление той педагогики, с помощью которой Бог постоянно и разнообразно оживляет и направляет Тело Христово – Церковь.

Понятие харизмы, рассматриваемое в такой перспективе, чтобы установить происхождение движений, обретает важный экклезиологический характер. Дух, наставляющий и направляющий Церковь, дает ей юность и обновляет ее посредством иерархических и харизматических даров, укорененных в Евангелии, тем самым ведя ее к совершенному сочетанию с ее Женихом (ср. *Lumen gentium*, 4). Обновленная верность харизме основателей расширит миссионерскую силу, присущую движениям, позволяя им более подобающе служить Церкви и миру.

Церковь, народ Божий, следующий по пути истории, всегда встречается с новыми реалиями, с вечно меняющимися условиями человеческой жизни, в которых она должна

конкретным, понятным и убедительным образом утверждать господство Христа. Евангелизировать по-миссионерски сегодня – не просто отправляться на далекие континенты, но также и проникать в новые сферы жизни, все время появляющиеся в результате преобразований в нашем обществе, чтобы показывать, как любовь ко Христу делает человеческой жизнь человека и позволяет ему идти к ее истине. Великое новшество Собора заключается в подчеркивании того, что эта задача касается всех верных, а значит, и мирян.

Мне кажется, два описанных фактора – миссия Церкви и харизма основателя – представляют собой вызов, который папа и Церковь бросают движениям в конце второго тысячелетия. Это вызов кафоличности.

Движениям суждено либо возрастая в ней в меру воли Божией, либо ослабевать вплоть до полного исчезновения. Кафоличность, согласно многочисленным указаниям Святейшего Отца, означает способность жить харизмой в отношении с целокупностью проявлений тайны Христовой, которые Церковь неустанно предлагает, не разделяя ее, не отсекая какой-либо из ее аспектов. Но также кафоличность подразумевает силу, с которой необходимо, переживая изменение собственного существования, свидетельствовать о решающей роли «феномена» Иисуса Христа для современного человека.

2. «Мы верим во Христа, умершего и воскресшего, во Христа присутствующего здесь и сейчас, Который один может изменить и меняет, преображая, человека и мир» (Речь по случаю тридцатилетия «Общения и освобождения», 29 сентября 1984 г., 3). Таким образом, человеческая жажда изменения, проявляющаяся сегодня по всему миру в самых разных формах, для христиан опирается на такую твердую уверенность – начало подлинной культуры. Святейший Отец побуждал движения переживать миссию Церкви, неоднократно призывая созидать цивилизацию истины и любви.

Поэтому понтифик неустанно говорит о евангелизации культуры и не боится побуждать движения к тому, чтобы они способствовали возникновению из культуры, порожденной верой, «форм новой жизни» (Выступление на Митинге в Римини, 29 августа 1982 г.). Для этого требуется метод воспитания зрелых личностей, тех, кто, не отказываясь от своеобразия харизмы, оставался бы преданным четырем столпам, с которыми Собор связывает полную причастность к Церкви: вере, таинствам, общению и «церковному управлению» (ср. *Lumen gentium*, 14).

Мне кажется, чтобы лучше понять, каким образом интегрировать действия движений в обычную деятельность Церкви, нужно рассматривать острую потребность в «евангелизации» культуры и в обновлении движущей силы Церкви в жизни общества (ср. Речь на Конференции итальянской Церкви в Лорето, 7). Решение подобных проблем мы находим не в преумножении богословских исследований или пастырских программ. Необходимо скорее смотреть на Духа Святого, чтобы увидеть, что Он пробуждает в жизни Церкви, чтобы увидеть, где правильное миссионерское отношение между Церковью и миром проявляется конкретным образом и начинает приносить плоды. Решение этой важнейшей проблемы современности – не человеческий проект, а инициатива Духа. Не будет преувеличением смиренное признание того факта, что такой путь проявляется в движениях.

Как движения должны проживать необходимое умерщвление ради единства, так и подлинная пастырская программа, чтобы быть воистину «духовным», должна благоприятствовать их присутствию и ценить его.

3. «Возникновение церковного тела как института, его сила убеждения и объединяющая энергия коренятся в динамике таинственной благодати. Она же обретает свою выразительную

форму, свой образ действий, свое конкретное историческое влияние через различные харизмы, характеризующие личные темперамент и историю» (Участникам курса духовных упражнений для священников...). Такой непрерывный обмен между институтом и харизмой – неотъемлемое требование воплощения. В конце концов они являются *единственной* реальностью Церкви. Можно ли помыслить человеческий организм без поддерживающего его скелета? Точно так же немислимо, чтобы Церковь существовала без института.

Великая пронизательность Августина, выступавшего против донатистов и рассматривавшего институт как выражение *объективной святости* Церкви, намечает дорогу неотступного следования за институтом, которое надлежит харизме. Здесь тоже можно увидеть, как понтифик призывает молодые церковные объединения изобретать более аутентичные формы отношений с ординарной жизнью Церкви. С другой стороны, Церковь есть особое место свободы, свободы детей Божиих.

Таким образом, движения связаны с двумя основополагающими измерениями, в определенном смысле удостоверяющими их подлинность. Первое – сыновнее обращение к епископам и папе. У иерархии нет монополии на харизмы, но она обладает харизмой их распознавания и направления всех харизм на общее благо Церкви. На втором месте – тот факт, что подлинная харизма должна побуждать к братской открытости всем прочим опытам, которые по-своему ведут к единственной истине о Боге и о человеке, явленной во Христе.

С этой точки зрения, папа прекрасно понимает, что движения – не «объединения мирян». Присутствие священников в движениях не играет в какой-то мере вспомогательную роль, это не служение «извне». Напротив, их присутствие – ответ на личный призыв, который в какой-то мере является образующим для конкретного призвания отдельного человека. Поэтому причастность к тому или иному движению, не противоречащая священническому призванию, помогает лучше понимать и переживать собственную принадлежность к Церкви (Участникам курса духовных упражнений для священников..., 3).

4. Мне кажется, слова Святейшего Отца – великий дар движениям, а также приглашение и дальше углублять в богословском и практическом смысле их призвание и их особую роль в Церкви. «Они являются знаком свободы форм, в которых воплощается единая Церковь, и представляют собой несомненную новизну, которую еще предстоит должным образом понять во всей ее положительной плодотворности для Царствия Божия в сегодняшний момент истории (Речь по случаю тридцатой годовщины «Общения и освобождения», 29 сентября 1984 г., 3).

На такое приглашение правильно ответить искренним усилием созидать в том направлении, какое указал Святейший Отец. Поэтому «Общение и освобождение», с надеждой ожидая результаты предстоящего внеочередного Синода, посвященного Собору, работает над тем, чтобы внести свой вклад в Синод 1987 года о церковной миссии мирян.

Луиджи Джуссани